

12. Любименко И. Новые работы по истории сношений Московской Руси с Англией // Исторические известия. 1916. № 2. С. 23; Ibid. The Correspondence of the first Stuarts with the first Romanovs // Transactions of the Royal Historical Society: Fourth series. London, 1918. Vol. 1. P. 77-78; Она же. Архивы Великобритании... С. 272, и др.

13. Любименко И. Переписка и дипломатические сношения... С. 66-67, 69, 70, 102, 103; Она же. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых // ЖМНП. 1916. № 11. Отд. 2. С. 8-9; № 12. Отд. 2. С. 167; Ibid. The Correspondence of the first Stuarts... P. 87, 89, 90, и др.

Тамара Николаевна КОНДРАТЬЕВА —
докторант кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета,
кандидат исторических наук
aetapov@utmn.ru

УДК 930.1

Б.Ф. ПОРШНЕВ В ДИСКУССИЯХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ О ФРАНЦУЗСКОМ АБСОЛЮТИЗМЕ

Аннотация. Статья освещает участие Б.Ф. Поршнева в дискуссиях о французском абсолютизме.

Summary. The author tackles Boris Porshnev's participation in the controversies on French absolutism.

Ключевые слова. Б.Ф. Поршнев, абсолютизм, буржуазия.

Key words. Boris Porshnev, absolutism, bourgeoisie.

Абсолютизм был одной из важнейших тем российской историографии дореволюционного и советского времени. При всех существенных различиях в трактовках абсолютизма дореволюционными историками, «школой Покровского» и советской историографией 1930-1970-х гг. у них был общий взгляд на историю как на последовательную замену простых форм человеческой жизни и общественных организаций более сложными и прогрессивными. Поэтому концепт «абсолютизм» подразумевал выделение хронологической стадии в истории (развитии) человеческого общества или социального порядка, классификацию причин (социальные, политические, идеологические) его возникновения и определение типичных черт.

Б.Ф. Поршнев, по-видимому, стал профессионально заниматься абсолютизмом в конце 1920 — начале 1930-х гг. Известно, что в 1926-1929 гг. он был аспирантом Института истории РАНИОН по секции новой русской истории [1; №168, 15, №166, 1-32], т. е. того самого периода, когда в России существовало самодержавие, которое многие тогда считали русским аналогом западноевропейского абсолютизма. В 1932 г. ему довелось по договору с издательством «Academia» написать предисловие и комментарии к готовившемуся изданию мемуаров кардинала де Реца [2; 194-196], после чего профессиональный интерес к народным движениям, Фронде и абсолютизму надолго стал центральным в творчестве Б.Ф. Поршнева. С конца 1934 г. Б.Ф. Поршнев работает на кафедре Средних веков Московского отделения ГАИМК, которая среди прочего занималась крестьянскими движениями в Западной Европе. В 1935-1937 гг. им были проведены исследования восстаний в Баяонне и Бретани, результаты которых были позднее опубликованы [3; №367, 6]. В 1936 г. сектор истории

Средних веков только что учрежденного Института истории АН СССР приступил к разработке проблем абсолютизма и привлек Б.Ф. Поршнева [4; №41,1-4]. Осенью 1937 г. Б.Ф. Поршнев был принят в штат сектора. Ему поручалось написать раздел о Франции XVI в. для VI тома, раздел «Развитие мировой торговли и капитализм в Европе в XVII в.» и совместно с С.Д. Сказкиным раздел «История Франции XVII в.» для VII тома Всемирной истории [4; №103, 29-41]. В настоящей статье автор намерен сфокусироваться на участии Б.Ф. Поршнева в полемике по поводу абсолютизма в конце 1930-1940-х гг., когда он сформулировал свою интерпретацию, которая в дальнейшем существенно изменилась, на мой взгляд, не претерпела.

Но предварительно несколько замечаний.

Обязательный для советской историографии марксизм внес в интерпретацию абсолютизма целый ряд императивных инструментальных понятий. К середине 30-х гг. XX в. для советского историка, изучающего абсолютизм, нормативными стали три установки, сформулированные политическим руководством СССР. 1. Феодализм прошел стадии зарождения, развития и разложения [5; 139]. 2. Абсолютистское государство приходится на третью стадию, т. е. на период разложения феодализма, поэтому должно называться «феодално-абсолютистским порядком» [6; 27]. 3. «Историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, должна прежде всего заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» [7; 116]. Кроме того, особое значение для советского историка приобрели две следующие цитаты Маркса: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом... В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII вв., которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга...». И «абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой» [8; т. 21, 171-172, т. 4, 306]. Из чего следовало, что установление абсолютизма было плодом долгой и упорной борьбы королевской власти с частью дворянского класса — феодальной аристократией. В этой борьбе короли смогли победить только потому, что их поддержала буржуазия, которая сама противостояла феодальным сеньорам. Но абсолютизм от этого не перестает быть государством феодальным и дворянским. Дворянство примирилось с потерей былых привилегий, поскольку ощущало угрозу, исходящую со стороны буржуазии. В момент равновесия классов — дворянства и буржуазии, государство приобрело самостоятельность, однако использовало свою мощь исключительно для защиты дворянства от все более революционизирующейся буржуазии, которая к тому же начинала организовывать крестьян для борьбы уже с самим абсолютизмом. Выделялось два этапа в истории абсолютизма: прогрессивный, когда королевская власть вместе с буржуазией и дворянством боролась с феодальным сепаратизмом за централизацию страны, и реакционный, когда она, защищая интересы дворянства, препятствовала установлению капитализма [9; 221-235]. Данная модель, как правило, иллюстрировалась материалом из французской истории XVII в. А французская монархия считалась классическим образцом европейского абсолютизма [10; 217].

Б.Ф. Поршневу в своем творчестве следовал общепринятым ориентирам, но представлял на обозрение несколько иное изображение абсолютизма, расходясь с современниками в оценке роли буржуазии и народных масс. Абсолютизм он определял как «государство дворян» [11; 108], полагая, что его историю следует рассматривать исключительно в контексте «революционных» движений [12; 94], и обращать особое внимание на «социальную природу» французской власти XVII в. и ее социальную политику. Откликаясь рецензией на выход второго тома первого советского учебника для вузов по истории Средних веков, он упрекал его авторов в том, что, давая характеристику абсолютизма, они подчеркивают роль буржуазии сначала как союзника королевской власти в борьбе с аристократией, а затем как организатора борьбы с самим абсолютистским государством, и незаслуженно мало внимания уделяют «рабочему классу» и «массовым революционным движениям» [13; 272-273].

На взгляд Б.Ф. Поршнева, крестьянские и плебейские восстания XVII в., которых боялись королевская власть, дворянство и буржуазия, консолидировали людей шпаги и кошелька. Дворянство и буржуазия усмотрели в абсолютизме инструмент, способный защитить их от народа, и его появление, таким образом, было ответом на усиление народного протеста [14; 147]. По его словам, абсолютизм существовал и развивался в ожесточенном противоборстве с движением низших классов общества, в особенности крестьянства» [15; 37].

В условиях XVII в. народ был единственной силой, которая противостояла абсолютизму и боролась с ним посредством восстаний. Буржуазия же, из среды которой государство вербовало кадры бюрократии, вела себя как союзник абсолютизма, помогая подавлять народные выступления. Исследователь настаивает, что «движущая сила истории» — это «сила народных масс». Именно эта сила трансформирует общество. Если в XVII в. «буржуазия объединилась бы с силами народной революции, такой союз представлял бы серьезную угрозу дворянской монархии». Но в ходе Фронды буржуазия предала крестьянство и плебейство, испугавшись мятежей. Тогда союз не случился. Это произошло век спустя. В XVIII в. в результате развития капитализма, изменения характера народных движений, отчасти перерождения самого абсолютизма и изменения его политики связь дворянской монархии с буржуазией распалась. Буржуазия смогла объединиться с народом в «третьем сословии», ринуться в революцию и обрести, наконец, свою полную классовую природу» [11; 112-113].

В марте-апреле 1940 г. Ученый совет Института истории АН СССР провел три заседания, на которых обсуждал проблему абсолютизма [4; №39, 1-101]. Выступая там, Б.Ф. Поршневу предлагал свой ответ на интересовавший диспутантов вопрос о причинах происхождения централизованного государства. И здесь главным для него представляются взаимоотношения между буржуазией и абсолютизмом. А ответ является прекрасным образцом марксистской системности мышления, базирующейся на представлении о материальной детерминации человеческого поведения. Хорошо помня вышеприведенную цитату Маркса, он говорит, что при решении данной проблемы сталкиваешься с «философской антиномией», т. е. противоречием. Ибо невозможно не принять два ортодоксальных тезиса: что «без поддержки буржуазии, без компромисса феодального класса с буржуазией, — не бывает абсолютизма» и что «буржуазия борется против абсолютизма, является силой ему враждебной и, в конце концов, совершает против него победоносную революцию».

Б.Ф. Поршневу предлагает свой способ выхода из данного противоречия. По его мнению, хронологически абсолютизм проходит два этапа в своем развитии. На раннем этапе абсолютизм выступает в союзе с буржуазией, на позднем этапе союз разрушается. «Антиномия разрешается тем путем, что под понятие абсолютизма подставляются два разных понятия. Есть не один абсолютизм, а два

абсолютизма, — один абсолютизм в союзе с буржуазией, другой в борьбе с ней, и они хронологически следуют один за другим». Для того, чтобы разрешить антиномию более корректно и более «логически», Б.Ф. Поршневу предлагает дополнить концепцию двух абсолютизмов концепцией «двух буржуазий», или концепцией «двойкой природы буржуазии». Он предлагает ввести в оборот понятие «феодалная буржуазия», «феодалный, докапиталистический капитал» или понятия «буржуазии старой» и «буржуазии новой». На первом этапе вся буржуазия как класс поддерживала абсолютизм. Она была связана с ним «торгово-ростовщически». Она долгое время боялась народных движений. И долгое время колебалась. «Эти колебания буржуазии, эта ее нерешительность в смысле выбора своей собственной исторической судьбы являются характерными для периода абсолютизма в условиях даже ряда передовых европейских стран... Эти колебания буржуазии означали отсрочку гибели феодально-абсолютистского порядка. Это была историческая оттяжка того конца, к которому феодальное общество необходимо шло».

Б.Ф. Поршневу характеризует взаимоотношения между дворянством и буржуазией при абсолютизме как компромисс. Однако, по его мнению, этот компромисс не был равноправным. «В основном буржуазия отказывалась от прямой перспективой своего развития, а дворянство, в сущности, ни от чего не отказывалось. Вот только в каком смысле можно говорить о том, что буржуазия поддерживала абсолютистское государство, хотя и получая кое-что, но в то же время и жертвуя очень многим, что она могла бы противопоставить феодально-абсолютистскому строю» [4; №39, 18-22].

Уже тогда многие выступающие упрекали Б.Ф. Поршневу в излишней абстрактности предлагаемой им модели. Наиболее точно это отразилось в выступлении В.В. Бирюковича. Б.Ф. Поршневу В.В. Бирюкович не без оснований отождествляет со средневековым схоластом. «Что делает Борис Федорович? Он, по сути, идет, если так можно сказать, методом Ансельма Кентерберийского. Он развивает мысль о характере абсолютной монархии тем же самым путем, каким Ансельм Кентерберийский доказывал существование бытия бога, то есть *чисто аналитическим путем*. <...> У Бориса Федоровича вместо бога другой объект — «абсолютизм». Это такая форма государства, которая обеспечивает феодалам эксплуатацию трудящихся масс. Вот исходный путь Бориса Федоровича, и отсюда уже путем чисто формально-логического, аналитического метода он выводит все следствия, все доказательства... *Все развивается логически, но история остается ни при чем* (в обоих случаях курсив наш — Т.К.) и это главный недостаток этого рассуждения» [4; №39, 47-48].

С.Д. Сказкин упрекнул Б.Ф. Поршневу в том, что его декларации невозможно подтвердить положениями Маркса и Энгельса. «Борис Федорович говорит, что все его построение основано на марксистской методологии, на понимании динамики развития каждой формации. В таком случае я должен сказать, что просто не понимаю, откуда он взял, где это у Маркса есть то, что он приписывает буржуазии?» У классиков нет ничего о том, что при абсолютизме происходило нарастание народных восстаний, что положение народных масс становилось все хуже и хуже. Более того, конкретный материал, в том числе исследования самого Б.Ф. Поршневу, показывают, что если выступления и имели место, то они были направлены не против абсолютизма, а против налогов и притеснений. «У Вас получается, таким образом, что, в конце концов, абсолютная монархия является ответом на усиление народных восстаний. Ничего подобного утверждать нельзя. Здесь все дело обстоит значительно сложнее» [4; №39, 90-94].

В завершеном виде Б.Ф. Поршневу изложил свою концепцию французского абсолютизма в послевоенное время. В частности, он написал для «Большой

Советской Энциклопедии» статью «Абсолютизм», положения которой, по его собственным словам, разделялись большинством советских историков. Вначале абсолютизм характеризуется как политическая система, тождественная русскому самодержавию. «Абсолютизм, — читаем, — неограниченная монархия, форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) императору, королю, царю, который издает законы, назначает, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением... А[бсолютизм] является высшей и последней стадией развития феодального государства, сменяющей сословную монархию и характеризующейся максимальной политической централизацией».

С точки зрения исторической перспективы, абсолютизму независимо от страны суждено было исполнить двоякую задачу: с одной стороны, «подавлять и всячески предотвращать массовые народные движения», с другой стороны, «откалывать от антифеодального лагеря и переманивать на свою сторону буржуазию, которая объективно была тогда единственной силой, могущей возглавить антифеодальную революцию». Буржуазия в период расцвета абсолютизма, который для Франции датируется временем «правления Ришелье (1624-1642) и царствования Людовика XIV (1643-1715)», демонстрировала «политическую трусость, боязнь народной революционной стихии». Следствием «политического бессилия буржуазии» явилась «на более или менее длительное время отсрочка антифеодальной революции».

По мере созревания капиталистического уклада абсолютизм становился помехой на пути дальнейшего развития буржуазии. «Перед буржуазией со всей остротой становился вопрос о необходимости антифеодальной революции, о неизбежности союза с народными революционными силами». Возникший конфликт в большинстве европейских стран разрешился в ходе буржуазных революций, хотя каждая из них имела свои особенности» [16; 31-32].

Двухвековой период истории абсолютизма во Франции Б.Ф. Поршневу, таким образом, объяснял боязнью буржуазии народных масс и ее длительной неготовностью вступить с абсолютизмом в решающую схватку. Если бы буржуазия оказалась готова выполнить историческую миссию в XVII в., то буржуазная революция во Франции произошла бы на век раньше. Ею могла стать Фронда, которую он трактовал как неудавшуюся буржуазную революцию [17]. Абсолютизм, нуждающийся в предпринимательской активности буржуазии, приносящей деньги, не переставал быть «диктатурой дворянства». Правление Людовика XIV стало временем «осуществления дворянской программы централизованной диктатуры» [18; 226]. Для Б.Ф. Поршнева характерны были полное пренебрежение политической историей, и взгляд на дворянство и буржуазию как на нечто единое, гомогенное, что разводило его с В.В. Бирюковичем и А.Д. Люблинской, усматривающих в дворянстве и буржуазии сложную многослойную структуру. Чтение работ Б.Ф. Поршнева приводит к выводу, что дворянство для него, как, впрочем, буржуазия и то, что он назвал «народными массами», являлось скорее инструментальным понятием, чем очевидной, разнохарактерной и разномотивированной совокупностью людей.

Создание дефиниций, или раскрытие закономерностей, как тогда говорили, считалось важнейшей задачей советских историков. При этом можно было даже пренебречь историческими реалиями, данными источников, «увидеть» за описаниями современников прошлого нечто такое, о чем они даже не помышляли. Например, за городскими общностями — «плебейство», за правовыми характеристиками социальных и профессиональных групп — классы. Допускалась, видимо, произвольная манипуляция с источниками. Именно в пренебрежительном отношении к конкретному материалу и даже в искажении источников обвиняли

Б.Ф. Поршнева коллеги. Об этом говорил С.Д. Сказкин во время защиты Б.Ф. Поршневым его докторской диссертации.

Именно на использовании Б.Ф. Поршневым источников первоначально строилась критика А.Д. Люблинской его концепции Фронды как неудавшейся буржуазной революции. Выступая в декабре 1948 г. в секторе истории средних веков Института истории АН СССР, она заявила «что в книге Поршнева нет ни одной правильной страницы», что книга «недобросовестная», а тексты, в ней приведенные, неправильно переведены.

Таким образом, концепция французского абсолютизма Б.Ф. Поршнева, как «феодально-абсолютистского порядка» строилась преимущественно на марксистских цитатах, которые нередко «подпирались» конкретным материалом после работы с изданными и архивными источниками. Исследователь социальную проблематику ставил выше любой другой. Через призму социальных отношений Б.Ф. Поршневым предпочитал смотреть на прочие исторические явления. При этом он использовал большое число терминов, слов, категорий, клише, идеологием, методологием, которые никакого отношения к изучаемой им эпохе не имели. Его мышление было устроено так, что позволяло ему «видеть» в прошлом невидимое, «слышать» неозвученное, «читать» ненаписанное. Творчество Б.Ф. Поршнева позволяет говорить о готовности некоторых советских историков середины XX в. пренебрегать конкретными данными в угоду концептуальным обобщениям. Однако страсть к логическому осмыслению прошлого, в котором в то время виделась **реконструкция** самого исторического процесса, его движение вперед, по сути, являлась его **конструированием**.

Б.Ф. Поршневым был большим мастером стройных теоретических построений, что проявилось в статьях о классовой борьбе, последующей дискуссии, книге «Феодализм и народные массы». Многие экзистенциальные моменты в его судьбе обусловлены этой его страстью. Интерпретационное «искусство» Б.Ф. Поршнева и специфическое обращение с материалом не раз подмечали современники. Приведем только два примера. Откликаясь на статьи Б.Ф. Поршнева о классовой борьбе, В.Ф. Семенов замечал: «Надо сказать о самой манере писать, которая характерна для Бориса Федоровича в его разбираемых статьях. Это по существу очерки, которые носят характер общего обзора. Автор никакой научно-исследовательской работы в них по существу не проделывает. Он берет произвольно цитаты из классиков марксизма-ленинизма, затем по этим цитатам старается развить свои собственные взгляды. В подтверждение своей концепции он дает те или иные исторические примеры, но факты, которые он приводит немногочисленны и не новы. Часть их весьма нам знакома, часть фактов выглядит как будто оригинально, но, если вдуматься и отнестись критически, то оказывается, что автор толкует их неправильно, часто пытается просто притянуть искусственно в угоду своей концепции. Вообще надо сказать, что фактическое содержание статей Б.Ф. Поршнева очень бедно. В них больше общих фраз и рассуждений, недостаточно в конце концов аргументированных...» [19; 79].

В 1950 г. молодые А.Х. Горфункель и В.И. Райцес написали сатиру на книгу Б.Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой», озаглавленную «Восстание в Клошмерле как неудавшейся буржуазной революции в свете нового учения о формах классовой борьбы», где иронично изобразили манеру автора обращаться с историческим материалом.

«До недавнего времени наша трактовка Клошмерльского восстания еще вызывала некоторые возражения, однако теперь в наших руках имеется источник, неопровержимо подтверждающий наши основные выводы.

Il se leve de son lit de mort

Поверхностный и доверчивый исследователь перевел бы эту фразу как «Он поднимается со своего смертного одра».

Однако подобная буквальная передача текста, его примитивно-натуралистическое истолкование, преклонение перед данными источника, их скрупулезный и педантичный анализ являются основной порочной чертой все еще существующей школы историков-экономистов, уже не раз разоблаченной в наших статьях. Автор должен со всей решительностью заявить, что он не намерен следовать их путем, ибо это несовместимо с его принципиально-творческими установками.

Так как цитированный документ имеет прямое и непосредственное отношение к восстанию в Клошмерле, он нуждается в гораздо более сложной и квалифицированной интерпретации.

Богатый опыт автора в области прочтения, публикации, перевода и толкования рукописных источников позволил ему восстановить полный текст этого ценного отрывка.

Прежде всего, под загадочным «*il*» неведомый автор понимал народ. Учитывая обстановку в Клошмерле, мы не можем предположить иного значения, которое было бы столь же естественным и закономерным. В ряде прочитанных нами писем авторы не раз заменяли слово «народ» (*le peuple*) соответствующим местоимением.

Но, если мы примем такое значение термина «*il*», а не принять его невозможно, то вся фраза потеряет всякий смысл. Следовательно, и остальная часть этой фразы нуждается в аналогичной обработке и переосмыслении. Если некто поднялся со своего смертного одра, то не значит ли это, что обрел здоровье, спасение («*salut*»)?

При этом предлог «*de*» мы можем с полным основанием и с тем более полным успехом заменить предлогом «*a*», ибо они противоречивы и находятся в определенной семантическом единстве (вероятно, должно быть: они противоположны по смыслу и следовательно, находятся в диалектическом единстве).

Что же касается выражения «*se leve*», то здесь мы имеем дело не более как с естественным искажением переписчика. В самом деле, незначительная графическая операция поможет нам восстановить подлинный текст.

Следует читать как *se leve — s'eleve*, т. е. «поднимается», «восстает».

Подобным же образом, простым разделением слогов (а отдельные слова чрезвычайно легко пишутся слитно в древних текстах) мы можем заменить *salut* словом *sa lutte*, «*sa lutte de mort*» при сложной грамматике и правописании равно как и при специфическом словоупотреблении той отдаленной эпохи должно быть переведено как «смертельная борьба».

Этот анализ убедительно показывает, на какие трюки и ухищрения пускается подчас буржуазная историография, чтобы скрыть подлинный смысл событий. Однако пронизательный взгляд исследователя проникает далеко в глубь веков и страниц и вскрывает историческое значение памятников отдаленной эпохи.

Восстановленная фраза должна звучать так: *Le peuple s'eleve a sa lutte mortelle*, «Народ восстает на смертельную борьбу». Можно ли найти более яркое свидетельство оценки современником подлинного характера восстания в Клошмерле? Кстати, эти немногие слова дают, пожалуй, больше для понимания классовой природы абсолютизма, чем целые политические трактаты» [20; 13-16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив РФ. Ф. 4655. РАНИОН. Оп. 1.
2. Поршнева Б.Ф. Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. // Европа: межд. альманах. Тюмень, 2003. Вып. 3. С. 194-196.

3. Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2/1936.
4. Архив РАН. Ф. 1577. Институт истории АН СССР. Оп. 5.
5. Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики (1917-1966 гг.). Л., 1968.
6. Сталин И., Киров С., Жданов А. Замечания о конспекте учебника новой истории // К изучению истории: Сборник. Б. М., 1937.
7. Краткий курс истории ВКП (б). М., 1943.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.
9. Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в Средние века. М., 1981.
10. Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. (Французский абсолютизм в 1630-1642 гг.). Л., 1982.
11. Поршнев Б.Ф. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? // Историк-марксист. 1940. №2.
12. Поршнев Б.Ф. Третья тетрадь «Хронологических записок» Маркса // Большевик. 1941. №1.
13. Обсуждение II тома учебника по истории средних веков // Историк-марксист. 1939. №5-6.
14. Шарапов Ю. Защита докторской диссертации на тему «Народные восстания во Франции в XVII веке // Исторический журнал. 1941. №5.
15. Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции в XVII в. Автореферат // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1944. Вып. 1.
16. Абсолютизм // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1950. Т. 1. С. 31-32.
17. Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.; Л., 1948.
18. Поршнев Б.Ф. Франция во второй половине XVII — начале XVIII в. // Новая история. М., 1964. Т. I. (1640-1789).
19. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 684. Картон 20. №1.
20. Горфункель А.Х., Райцес В.И. Восстание в Клошмерле как неудавшаяся репетиция буржуазной революции в свете нового учения о формах классовой борьбы. Автореферат диссертации, представленный покойными братьями Тарентскими на соискание почетной степени магистра трепалогических наук. // РНБ, Фонд 1370 (А.Х. Горфункеля), ед. хр. 208. Л. 13-16.

Владимир Николаевич ЕРОХИН —
доцент кафедры документоведения и всеобщей
истории Нижневартковского государственного
гуманитарного университета,
кандидат исторических наук
volodja@intramail.ru

УДК 94 (410)

АНГЛИЙСКОЕ КАТОЛИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII в. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье представлена характеристика основных проблем в исследовании английского католицизма предреволюционных десятилетий XVII в. в современной британской историографии. Рассмотрено изучение деятельности английской католической миссии, ее организационной структуры, экономического положения и социального статуса католического духовенства в Англии, деятельности различных групп английского католического духовенства, отношения протестантских властей к существовавшему в стране католическому сообществу.